

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ САХА

Введение

Археологические данные справедливо считаются материальным свидетельством формирования того или иного этноса. При существовании письменных источников они дополняют сведения об этнической картине того или иного региона. В этом случае автор выдвигает свою теорию о принадлежности той или иной археологической культуры к тому или иному народу, упоминаемому в хрониках через записи путешественников или передачу мифа, проявляя при этом изощренную фантазию. Гораздо труднее восстановление древней истории края только на основе археологических культур при отсутствии письменных источников. Тут в качестве дополнения к этнической атрибуции археологических культур приводятся сравнения с этнографическими материалами, тексты фольклорных источников и данные топонимики. В этом случае показательным является изучение этногенеза саха через археологические материалы.

Археологические материалы по этногенезу саха стали собираться с начала XX в. Тогда М.П. Овчинников, потом Б.Э. Петри стали упорно заниматься поиском южных предков саха и доказательством их прибайкальской прародины (Петри, 1923). С ними в научную полемику вступил якутский краевед Е.Д. Стрелов, занимавшийся раскопками древних якутских могил, он написал статью с контраргументами, где сделал вывод, что работа профессора Б.Э. Петри является ложной вехой в этнографической литературе по саха (Стрелов, 1926).

Курумчинская археологическая культура, в согласии с юаньскими хрониками, была приписана к племени кури, обитавшему в Приангарье, гипотетическими предками которых являлись гулиганы, отождествленные с курыканами в орхонских надписях. На основе исследований

Б.Э.Петри А.П.Окладниковым была выдвинута теория о курыканском происхождении якутского народа. Он связал курумчинскую культуру с этногенезом саха. Масштабные археологические исследования, проведенные А.П.Окладниковым на территории Восточной Сибири, позволили ему обосновать свое видение этногенеза саха, сделанное в I томе Истории Якутской АССР. В последние десятилетия его теория все время дополнялась новыми археологическими данными, полученными с территории Средней Лены и Прибайкалья.

Средневековые Якутии было изучено Ленской историко-археологической экспедицией, проводившей исследования под руководством А.П.Окладникова в 1940-1946 гг. В итоге была предпринята попытка выделить последовательные этапы раннего железного века и архаической культуры якутов XV-XVII вв. (Окладников, 1955).

В 1965-1971 гг. Приленская археологическая экспедиция под руководством И.В. Константинова провела раскопки около 70 якутских погребений, датируемых им XVIII в. Накопленные в середине 1970-х гг. археологические материалы, открытые предшественниками и ПАЭ, были обобщены и синтезированы в монографии И.В. Константинова «Ранний железный век Якутии» и в статье «Происхождение якутского народа».

В 1974-1992 гг. археолого-этнографической экспедицией ЯГУ под руководством А.И. Гоголева проводились раскопки позднесредневековых поселений и погребений саха. Результаты работ экспедиции были обобщены и синтезированы в двух монографиях (Гоголев, 1990, 1993). Выделение им кулун-атахской культуры XIV-XVI вв. явилось знаковым событием в археологическом изучении этногенеза саха. Материалы этой экспедиции были использованы в монографиях Ф.Ф. Васильева и Р.И. Бравиной (Васильев, 1994; Бравина, 1996).

Для изучения эпохи железа и раннего средневековья очень важными являются материалы, открытые в результате раскопок комплексной историко-археологической экспедицией ЯГУ, работающей под руководством А.Н. Алексева. На основе обобщения трудов предшественников и собственных археологических раскопок им написана монография «Древняя Якутия: железный век и эпоха раннего средневековья» (Алексеев, 1996).

Отрядом археолого-этнографической экспедиции ЯГУ под руководством Н.П. Прокопьева и С.К. Колодезникова в полевые сезоны 1996-1997 гг. проводились раскопки поселения кулунатахской культуры в местности Ус-Хатын (места встречи и жительства родоначальников саха Элэя и Омогоя), а также дохристианских погребений. Археолого-этнографическая экспедиция ЯГОМИиКНС под руководством В.В. Попова проводила раскопки погребений с конем на территории Таттинского и Чурапчинского улусов, а также в окрестностях Якутска.

С 2004 г. на территории Центральной Якутии начала свою работу Саха-французская археологическая экспедиция в рамках программы МАФ-СО (Французские археологические экспедиции в Восточной Сибири). В её работе самое активное участие принимают якутские археологи С.К. Колодезников и В.В. Попов.

Продолжается и археологическое изучение территории Байкальского региона. Работающая с 1984 г. Байкальская археологическая экспедиция, организованная в ИМБИТ СО РАН, руководимая Б.Б. Дашибаловым, своей задачей считает изучение средневековых древностей с целью реконструкции этнической истории бурят. Сделана попытка совершенно с иных позиций взглянуть на старый имеющийся материал, были выдвинуты и обоснованы принципиально новые положения в изучении курумчинской культуры. В работах Б.Б. Дашибалова приводится множество концепций этногенетического характера о происхождении якутского этноса (Дашибалов, 2003).

С середины 80-х гг. в Прибайкалье проводит исследования археологических объектов I тыс. до н.э. - II тыс. н.э. А.В. Харинский. Результаты работ опубликованы в ряде статей и двух монографиях (Харинский, 2001; 2001а). Им подверглись существенной корректировке принципы выделения, хронология и само содержание курумчинской археологической культуры.

С 1987 г. начались широкомасштабные исследования средневековых погребений и ритуальных комплексов Южного Приангарья под руководством В.С. Николаева. Итогом явилось монография «Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII-XIV веках: усть-талькинская культура» (Николаев, 2004). Им выделена усть-талькинская археологическая культура XII-XIV вв. на территории Южного Приангарья.

Целостную картину этногенеза саха на основе осмысления археологических культур Прибайкалья и Средней Лены пока не удастся воссоздать, поэтому ограничимся отдельными наблюдениями из трудов предшественников.

Связь якутской этнокультуры с пазырыкской культурой Алтая

В 1954 г. в Гамбурге вышло монографическое исследование Уллы Йохансен «Die Ornamentik der Jakuten» («Орнаментальное искусство якутов»). В этом труде она на основе анализа орнаментов на древнеалтайских археологических находках и их сопоставления с современным орнаментальным искусством саха впервые связала этно- и культурогенез саха с пазырыкской культурой Горного Алтая V-III в. до н.э. По ее мнению, «это свидетельствует о том, что предки саха жили в области пазырыкской культуры, на Алтае или в его окрестностях до их прибытия в район на юге и западе от Байкала». Ее наблюдения в области якутского орнаментального искусства можно дополнить сравнением пазырыкского костюма и якутской женской одежды, также имеющих между собой параллели (Полосьмак, 2001).

На якутские узоры особенно похожа форма чашечки на декоративной пластинке из второго пазырыкского кургана. Она прикреплена к месту на наборной уздечке, где пересекаются два ремня, т.е. там же, где и якутские круглые декоративные бляшки. Сходство представляется очевидным, потому что листья на пазырыкской пластинке выполнены и расположены так же, как и на якутской. Дугообразные стебли, соединяющие отдельные цветки на пазырыкском настенном ковре, также находят параллели в якутской орнаментике. Фигура, похожая на якутский трилистник, изображена на нижней части покрывала из второго пазырыкского кургана (Йохансен, 2008: 64).

Заслуга монографического исследования погребальных обрядов саха принадлежит Р.И. Бравиной. В ней утверждается, что по своим конструктивным особенностям и строительным приемам погребальные сооружения саха близки к пазырыкским погребениям (Бравина, 1996: 165-167).

Курумчинская культура Прибайкалья

Все началось с того, что в 20-х гг. иркутский профессор Б.Э. Петри открытую им археологическую культуру курумчинских кузнецов раннего железного века вокруг Байкала, Ангары связал с происхождением скотоводов Средней Лены — саха.

Помимо предметов из железа, Б.Э. Петри было найдено также большое количество фрагментов керамических сосудов баночной формы с плоским дном, украшенных по тулову налепными валиками, рассеченными овальными вдавлениями, с поясками пальцевых защипов, прочерченным дугообразным орнаментом, пряслица и обломок жернова.

Петри сравнил материальную культуру курумчинцев с якутской и, найдя много общего, сделал предположение о возможной миграции части курумчинцев на север, в Якутию, после вытеснения последних монгольскими племенами (Петри, 1923: 62-64).

Понятие «курумчинская культура» значительно пересмотрено в трудах А.В. Харинского. Он предлагает взамен елгинский, черенхынский и харанцинский этапы в Прибайкалье. Так елгинский погребальный обряд не связан ни с курыканами, ни с хуннами, а оформился в V-IV вв. до н.э. в Забайкалье. Появление гулиганей (курыкан) в Приолхонье относится лишь к VIII в. и связано с появлением куркутских типов захоронений (Харинский, 2009: 59). Поэтому мифическая связь этногенеза якутов с курумчинцами — курыканами является ошибочной и сделана на основе сходства подъемных материалов, найденных Б.Э.Петри и относящихся к позднему времени (усть-талькинскому и бурятскому). Утверждения А.И. Гоголева и Б.И. Подгорбунского о сходстве курумчинской керамики с древнеякутской требуют дальнейшего изучения. Черенхынцев Прибайкалья V-VIII вв., основываясь на данных китайских источников действительно можно сопоставить с курыканами. По

утверждению А.В. Харинского они сформировались на местном субстрате, представленном елгинским погребальным ритуалом. Байырку, курыканы являются древними жителями северной стороны Байкала, предположение о связи бомаалатов с территорией Байкала пока является гипотетическим.

Происхождение символических элементов материальной культуры якутов

Этнография саха построена на основе нескольких символов, олицетворяющих многовековое формирование особенностей его культурогенеза на территории Центральной и Северной Азии: синтез автохтонных и пришлых элементов в его этногенезе. Это якутский нож, балаган, пальма (батас и батыйа), ритуальный столб — Сэргэ, ритуальный сосуд — Чорон.

При раскопках древнеякутских поселений XIV — XVIII вв. очень часто находят глиняные ножки, функциональное назначение которых неизвестно. Три такие глиняные ножки были найдены в 1941 г. А.А. Саввиным в развале древнеякутского жилища в местности Ухааныйа Болтогинского наслега Чурапчинского улуса. Они находились в глиняном горшке, завернутом в бересту, ножками которого, вероятно, и являлись. А.Н. Алексеев утверждает, что эти глиняные ножки служили подставками для круглодонных сосудов. Проведенные им эксперименты показали, что круглодонные глиняные сосуды весьма устойчиво могут покоиться на трех подобных ножках-подставках.

В целом схема появления чорона по нему представляется примерно следующей. На ножки-подставки, привнесенные на Среднюю Лену тюрками, водружались круглодонные керамические сосуды, издавна существовавшие у палеоазиатов Якутии. Со временем ножки и тулово ритуальных сосудов стали делаться цельными, что отличало их от обыденных горшков. Таким образом, А.Н. Алексеев считает чороны результатом симбиоза аборигенной культуры палеоазиатов (тулово и орнамент чорона) и культуры пришлых тюрков (ножки, ритуально-культурное предназначение чоронов). В настоящее время чороны имеются только у якутов и являются, по его мнению, своеобразным показателем синтезированного этнического происхождения народа саха.

Связь археологии Якутии с скифо-сибирскими предметами из Южной Сибири просматривается уже в предметах бронзового века Якутии. Например, Д.Г.Савиновым был отмечен факт поразительного сходства формы якутского балагана с жилищами поселения Торгажак на юге Хакасии карасукского времени (X-IX вв. до н.э.). Он также писал, что «погребения с конем» и другие элементы якутской культуры имеют прямые параллели с пазырыкской и другими древними археологическими культурами Юга Сибири (Савинов, 1998:514-522).

По словам С.Е. Ажигали, традиция установки деревянных коновязей сохранялась длительное время у различных народов региона; это типологически весьма близкие между собой коновязи — сэргэ и чакы у бурят, саха у алтайцев и фейфа у некоторых групп венгров (Ажигали, 2002: 421). В последнее время высказывается мнение о семантико-функциональной связи оленных камней со «скифскими» и древнетюркскими балбалами. Имеются даже сведения, что ряды оленных камней завершались балбалами. Как считают С.С. Сорокин и В.Д. Кубарев, балбалы также соответствуют коновязям — сэргэ якутов, алтайцев, бурятов, монголов. Эта гипотеза хорошо подтверждается находками остатков коновязных столбов в скифских курганах Кубани, а также в многочисленных остатках «деревянных колов или заостренных чурбанов», а также ям от них в центре древнетюркских оградок.

С.Е.Ажигали предполагает, что многие деревянные столбы — коновязи в погребально-поминальных памятниках древнетюркского, а тем более скифо-сако-массагетского периода не сохранились — сгнили. Поэтому учитывая этот фактор, насельники степей стремились устанавливать долговечные каменные коновязи — балбалы (Ажигали, 2002: 420).

Кулун-атахская культура на Средней Лене

В 1976 г. и до начала 1990-х гг. впервые были выявлены и раскопаны памятники, связанные с распространением скотоводства в бассейне Средней Лены. Эти поселения, изученные в Мегино-Кангаласском, Таттинском, Чурапчинском, Усть-Алданском, Амгинском улусах, были объединены А.И. Гоголевым в одну кулун-атахскую археоло-

гическую культуру (Гоголев, 1990: 10-53). В дальнейшем такие поселения были обнаружены на территории Вилуйского улуса.

По определению А.И. Гоголева эти поселения скотоводов относятся к одному времени, к одной этнической общности. По радиоуглеродным данным они относятся к XIV-XV вв. (Гоголев, 1990: 23-38). В кулун-атахской культуре (конец XIII-XVI в.) появляются плоскостенные керамические сосуды, размер строений увеличивается, и они приобретают форму балаганов с пристроенными к ним хлевами-хотонами. Обильный остеологический материал свидетельствует о разведении кулун-атахцами лошадей и коров (Гоголев, 1990, 1993).

Ф.Ф. Васильев выделяет раннеякутский этап этногенеза, связанный с кулун-атахцами, датируемый второй половиной XIII-XIV вв., связывая его с племенами кыргыс, хоро, тумат, и выделяет их как ранний, кыргызский пласт (Васильев, 1995).

Довольно неожиданным является вывод французских исследователей, что скелеты из погребений XV-XVI вв. не обнаруживают ярко выраженных морфологических «монголоидных» черт, и значит, они могли принадлежать представителям первой волны мигрантов из Центральной Азии. Многочисленные скелеты из погребений XVII-XVIII вв. обладают морфологией, характерной для монголоидных народов (выраженная нижнечелюстная кость, резцы в форме лопатки, небный торус и т.д.) и они могут представлять вторую волну заселения, пришедшую из Монголии/Бурятии (Попов, Бравина, 2008: 31-32).

Данное заключение французских археологов противоречит мнению о том, что монголызычный (хори-туматский) пласт был более ранним по сравнению с поздним тюркоязычным, кангло-кыпчакским компонентом. По свидетельству фольклорных источников, в согласии с архивными данными по истории Забайкалья, составившие значительную часть якутов представители родов хоро и боотулу, родственные бурятским «кори и батулинцам», могли прийти на Среднюю Лену только в начале XVII в.

Тотемом хоринцев, согласно Ц.Б. Цыдендамбаеву, была собака. В этом ключе интересны захоронения собак, обнаруженные

Н.П. Прокопьевым в Амгинском, Мегино-Кангаласском и Вилуйском районах (Попов, Бра-

вина 2008: 33). По словам А.И. Гоголева, влияние монголоязычной среды, хорошо проявившееся на языковом материале, в археологических памятниках XVII-XVIII вв., практически не прослеживается, не прослеживается оно также на якутском орнаменте XVII-XVIII вв., за небольшим исключением.

Усть-талькинская культура Приангарья XII-XIV вв

Археолог В.С. Николаев из Иркутска на территории Южного Приангарья выделил отдельную усть-талькинскую археологическую культуру XII-XIV вв. Тем самым ему удалось заполнить недостающий курыканский «фантом» в изучении археологии Предбайкалья XII-XIV вв. и этногенеза саха. Народом, создавшим усть-талькинскую культуру, В.С. Николаев объявил тюркоязычные племена туматов, мигрировавших в конце XI в. в Предбайкалье с предгорий Саяно-Алтая. Также он выявил связь туматов с кимако-кыпчакскими материалами и считает, что они мигрировали в XV в. из Предбайкалья на Среднюю Лену (Николаев, 2003).

Тем самым, археологические находки доказывают довольно позднее появление предков саха из западных регионов на территории Предбайкалья. Судя по обширной историографии вопроса, хори-туматы XIII в. являются общим компонентом бурятского и якутского этноса. Имеются фольклорные источники саха, считающие туматов чужеродным, крайне воинственным автохтонным племенем Вилюя. Они противоречат точке зрения, отождествляющей южных предков именно с туматами. По архивным же документам XVII в., туматами называли якутское население Среднего Вилюя (Николаев, 1957) и наличие их представителей в составе центральных волостей свидетельствует о наличии туматского субстрата среди населения Центральной Якутии, ассимилированного поздними пришельцами.

Вывод об участии кимако-кыпчакского компонента в формировании усть-талькинцев, которых В.С. Николаев считает хори-туматами, также является довольно неожиданным. Он любопытен тем, что удачно связывает гипотезы, выдвинутые еще исследователями XVIII-XIX вв., с новыми научными данными по археологии Южного Приангарья XII-XIV вв. и Центральной Якутии XV-XVI вв.

В богатых одиночных захоронениях и некрополях усть-талькинской культуры возможно погребены и представители разного этноса. Богатый набор предметов вооружения — палаш, копье, шлем и панцирь в одиночных захоронениях говорит о высоком социальном статусе погребенных в них мужчин. По предположению В.С. Николаева, они могли принадлежать к вождям-старейшинам родовых объединений, составлявших усть-талькинскую культуру. Более любопытным является его вывод, что данные захоронения принадлежат знаменитым воинам, прославившим свой род или племя в дальних походах в составе монгольских армий (Николаев, 2006: 307).

Таким образом, опираясь на данные археологических материалов, был поставлен вопрос об участии предков саха в монгольских походах. Следует напомнить, что академик А.П. Окладников людей оставивших Сэгенутский и Усть-Талькинский могильники по его датировке X в., считал «ранними монголами». И.В. Константинов усть-талькинцев связывал с упоминаемым в Юаньши племенем усунь-хань, усматривая в этом китайском названии транскрипцию имени «уссаха» (Константинов, 2003). В.С. Николаев и А.В. Харинский в наше время также связывают усть-талькинцев с племенем усунь-мангун (Николаев, 2003). Монголы вод, или народ усунь-мангун, согласно источникам, представляется наиболее реальным «претендентом» на усть-талькинскую культуру Южного Приангарья XII-XIV вв.

В Ангарской долине и на западном побережье Байкала находят бронзовые зеркала китайского производства, говорящие о тесных торговых контактах с «Серединной» империей. По мнению исследователей, они любили пользоваться китайскими бронзовыми зеркалами (Николаев, Масумота, Кустов, 2008: 192).

Такие же зеркала были обнаружены в могильниках Западной Сибири. Бронзовое дисковидное зеркало имело в центре сферическую петлю, в которую была продета цепочка из двух серебряных колец с костяными дисками. На орнаментальном поле в два ряда изображены животные (Могильников, 1981: 198-199). Такие зеркала отливались в Китае. В культурах кочевников в подражание им изготавливались копии китайских зеркал.

В 2008 г. на конференции в Якутске В.Е. Васильевым было сделано сообщение о на-

ходке китайского зеркала в костюме шамана. Как отмечают археологи, некоторые зеркала использовались жителями Сибири в XVIII-XX вв. не только как диковинные, но и как культовые предметы в шаманской практике. Они попадали в руки местных жителей из старых разрушенных святилищ и могильников. Скорее всего, диск с шаманского костюма был поврежден потому, что он первоначально использовался как сопроводительный инвентарь древнего погребения. В середине диска, на выпуклой петле была прикреплена железная цепочка с зооморфным изображением волка или собаки.

Погребения с конем

Обряд погребения с конем, особенно с остовом коня, чуждый как для курыкан, так и для монголоязычных предков якутов, связывают с кыпчаками. Западную ориентацию, характерную в погребальном обряде якутов, считают возникшей под прямым или опосредствованным воздействием кыпчакской среды. Во всяком случае, известно, что в XII-XIII вв. под влиянием печенежско-торчского обряда, как отмечалось выше, половцы (кипчаки) стали придерживаться западной ориентации при погребении умерших. С ними с левой стороны, в отдельной яме или вместе с покойником, обнаруживается захоронение остова коня головой на запад, иногда на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами (Гоголев, 1990).

В памятниках, относящихся к XI в., до времени продвижения кыпчаков в степи Восточной Европы, у них продолжал бытовать обряд захоронения умерших с верховым конем. Еще в кимакское время в Верхнем Прииртышье в эпоху раннего средневековья были распространены погребения с конем. Кочевники, жившие в степях восточного, северного и центрального Казахстана, перестали хоронить своих соплеменников в сопровождении верхового коня уже в начале II тыс. н.э. Для погребальной обрядности кочевого населения Казахстана было характерно полное изживание прежних традиций древнетюркского и кимакского периодов. Обряд погребения с конем или со шкурой коня сохранился только у западных кыпчаков-половцев и на северной периферии Кок-Орды (Худяков, 1985: 98).

С кангаласцами — носителями культуры по-

гребений с конем, связан финальный этап этногенеза саха, для него характерна консервация кимако-кыпчакских элементов. Носителей «погребений с конями» Ф.Ф. Васильев отождествляет с населением кыргыс-отехов (Васильев, 1995).

Заключение

В последнее время достигнуты определенные достижения в изучении археологических культур на территории Средней Лены и Байкальского региона, имеющих отношения к этно- и культурогенезу народа саха. Особо отметим исследования усть-талькинской археологической культуры, сделанные В.С. Николаевым.

Формирование якутского этноса связывается с кулун-атахской культурой Средней Лены XIII-XV вв. В то же время кулун-атахцы считаются носителями более ранней скотоводческой культуры на Средней Лене, чем носители «погребений с конем», связываемых с усть-талькинцами Прибайкалья, исчезнувшими в конце XIV в. Кулун-атахская культура несла ощутимое влияние местных традиций.

Литература

Ажигали СЕ. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). — Алматы: Науч.—изд. центр Еылым, 2002. — 654 с.

Алексеев А.Н. К вопросу о происхождении якутского народа: Сб. науч. тр. Сер. Филология. — Якутск, 1994. — С.66 — 67.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья. Сер. История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 95 с.

Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов: Учеб. пособие. — Якутск: Изд-во Якут, ун-та, 1996. — 230 с.

Васильев Ф.Ф. К вопросу об уральском компоненте в этнической культуре якутов // Этнос: традиции и современность. — Якутск, 1994. — С.16.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. — Якутск: Бичик, 1995. — 224 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. — 192 с.

- Гоголев А.И.** Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1993. — 200 с.
- Дашибалов Б.Б.** Истоки: от древних хори-монголов к бурятам: Очерки. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.
- Йохансен УП.** Орнаментальное искусство якутов. Историко-этнографическое исследование. — Якутск: Компания «Дани Алмас», 2008.
- Карпини Плато Дж. Дель.** История монголов. Г. де Рубрук. — 4-е изд. — М.: Мысль, 1997. — 460 с.
- Константинов И.В.** Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии : Труды Приленской археологической экспедиции. — Якутск: Кн. изд-во, 1970. — С. 196-197.
- Константинов И.В.** Материальная культура якутов XVIII века : (по материалам погребений). — Якутск, 1971. — С.182-184.
- Константинов И.В.** Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. — Якутск, 1975. — С. 106-173.
- Константинов И.В.** Происхождение якутского народа и его культуры. — 2-е изд., испр. — Якутск, 2003. — 92 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Т. I, кн. I. — Якутск, 1992. — 412 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). — Магадан, 1983. — 176 с.
- Могильников В.А.** Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X-XII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С. 190-200.
- Народы Сибири. — М; Л., 1956. — С. 716-720.
- Николаев В.С.** Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII-XIV веках. Усть-Талькинская культура. — Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 306 с.
- Николаев В.С.** Средневековое погребение у п. Балаганск // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. — Вып. 4. — С. 299-308.
- Николаев В.С., Тэцу Масумото, Кустов М.С.** Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. — Вып. 6. — С.184-193.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. — Т.1. Якутия до присоединения к русскому государству. — М.; Л., 1955. — 295 с.
- Петри Б.Э.,** 1923 Доисторические кузнецы в Прибайкалье. К вопросу о доисторическом прошлом якутов // Изв. // Ин-та нар. образования. — Чита, 1923. — № 1. — С.21-39.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. — Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. — 336 с.
- Полосьмак Н.В., Л.Л.Баркова.** Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). — Новосибирск: Инфолио, 2005.
- Попов В.В., Бравина Р.И.** Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции. — Новосибирск: Наука, 2008. — 296 с.
- Рашид-ад-дин. Сб. летописей. — Т.1, кн.1 — 2. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 221 с.
- Румянцев Г.Н.** Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962. — 240 с.
- Савинов Д.Г.** Жилища Торгожака — якутский балаган. Опыт историко-культурной корреляции//Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар.симпозиума. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — Т.1. — С. 514-522.
- Стрелов Е.Д.,** 1926 К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б.Э.Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Сб. Трудов / Исслед. общ-во «Саха Кескиле». — Якутск, 1926. — Вып. 3. — С.5-25.
- Харинский А.В.** Курумчинская культура: миф и реальность // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.). — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 49-62.
- Харинский А.В.,** 2001 Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. — Иркутск, 2001. — 238 с.
- Харинский А.В.** Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. — сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. — Иркутск, 2001. — 198 с.
- Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков. [электронный ресурс] Сайт «Древности Алтая». N 12. 2004. режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html>
- Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 88-102.

Summary

Author discusses the problem of origin of Sakha-people based on archaeological sources. There were made some successful results in the study of archaeological cultures of Middle Lena and Baikal Area related to origin of ethnos and culture of Sakha. Especially it should be noticed the study of Ust'-Tal'kin Culture made by V.S.Nikolaev. The origin of Yakutian

ethnos is correlated with Kulun-Atakh Culture of Middle Lena (XIII-XV centuries AC). The Kulun-Atakh people look to be more earlier nomadic culture in the Middle Lena Area then the people of tradition of «graves with horses» correlated with Ust'-Tal'kin Culture of Cisbaikalia disappeared in the end of XIV century AC). As author supposes Kulun-Atakh people reflected the serious influence of local traditions.